

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ ДАТИВА
В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ПАДЕЖНОЙ СИСТЕМЕ

При исследовании синтаксиса падежей и предложно-падежных конструкций (ППК) следует различать два типа их употребления. В одних случаях значения падежей, соответственно, ППК являются неотъемлемым компонентом семантической структуры высказывания. К примеру, если предложение Я представил ему мою сестру лишится той доли семантики, которая привносится падежами, то оно вообще потеряет смысл (кто кого кому представил?). Семантическая структура, образуемая падежами и ППК (валентностная рамка), позволяет мысленно восстанавливать сказуемое в высказываниях типа Ты – мне, я – тебе, Мне Иванова!, Вам с сахаром?, Кто кого? и т.п. Ср. также греческие пословицы типа 'Ὁ Κρής τὸν πόντον 'Критянин (притворяется, что он не знает, что такое) море', μή παιδί μαχαίρα 'Нож не для ребенка' (досл.: не ребенку нож) или разговорное выражение μή σύ (N.) γέ μίθους (A.) 'Только не(рас-сказывай) сказки!'

В других же случаях падежное значение явно избыточно в семантической структуре: оно облигаторно дублирует определенный компонент семантики того элемента высказывания, от которого зависит падеж или ППК, например, предлог ε + творительный падеж после глаголов со значением совместного действия сотрудничать, соперничать, состязаться и др.; ср. соответствующие греческие глаголы с тем же компонентом значения: συμπάχομαι 'вместе сражаться', συμπάθω 'питать одинаковые чувства', συνακούω 'одновременно слышать', при которых употреблялся датив, продолжавший в этой функции индоевропейский инструментальный.

Условимся употребления падежей первого типа называть сильными (контекстообразующими), а второго типа – слабыми (контекстуально зависимыми). Роль падежей и ППК в сильных и слабых их употреблениях принципиально различна: в первом случае они участвуют в формировании семантической структуры высказывания, а во втором – выступают в качестве формального наполнителя этой структуры.

Если оставить в стороне локально-темпоральные значения древнегреческих падежей, то каждый из них может быть сведен к еди-

ному семантическому инварианту: номинатив [N.] содержит указание на исходный пункт развития семантики высказывания,¹ аккузатив (A.) – на ближайший предельный пункт развертывания семантики высказывания или синтагмы; генитив (G.) по отношению к N. и A. выступает как архипадеж, он снимает противопоставление исходности и предельности, сочетая в себе оба выше названных семантических дистинктора. У вокатива одновременно отсутствуют оба дистинктора – исходности и предельности, вследствие чего он занимает в высказывании промежуточную позицию, мимо которой либо через которую развертывается семантика высказывания. Выше названные семантические инварианты могут быть выделены во всех субъектно-объектных функциях перечисленных падежей, если в каждом отдельном случае их употребления исключить семантическое воздействие лексемы и взаимодействующего контекста.

Изложенная выше модель обладает, на наш взгляд, важными объяснительными свойствами² и позволяет убедиться в том, что основные функционально-семантические разновидности употреблений перечисленных падежей – это результат обогащения выделенных выше семантических инвариантов под воздействием значения лексемы и контекста.

Что же касается датива, то у всех его употреблений, входящих в диахроническом плане к собственно дативу и к инструменталису, может быть выделен семантический инвариант периферийности, т.е. отсутствия непосредственной связи с тем элементом высказывания, на который он ориентирован. Поскольку периферийность представляет собой параметр иного плана, чем те, которыми были охарактеризованы остальные субъектно-объектные падежи, постольку возможны два варианта полного описания падежной системы древнегреческого языка.

Во-первых, синкретический датив рассматривается нами как общепериферийный падеж, противостоящий системе четырех остальных падежей в целом. При таком понимании категория падежа в древнегреческом языке имеет семантическую структуру, в которой оппозитивные отношения сочетаются с отношением неопозитивного различия, так как эта структура не может быть описана на основании единых семантических принципов.³

Во-вторых, можно соблюдать единый принцип системной организации семантического пространства категории падежа. Для этого необходимо ввести новые понятия. Падеж в его традиционном понимании как совокупность морфологических форм имени, которым соответствует комплекс категориальных значений, в дальнейшем мы будем называть морфологическим падежом. Содержательная сторона морфологических падежей в древнегреческом, как и во многих других языках, может охватывать несколько основных (ядерных) функций, каждая из которых обладает определенным семантическим инвариантом. Однако для комплекса этих функций, составляющего содержательную сторону морфологического падежа, установить семантический инвариант невозможно. Для совокупности употреблений, обладающих инвариантным значением, мы предлагаем обозначение идеальный падеж. У N., A., G., V. наличие совпадения морфологического падежа с идеальным. Иначе обстоит дело с дативом. Его семантическая природа на основе единого принципа классификации раскрывается лишь при допущении, что за ним скрывались четыре идеальных падежа: социатив (S.), каузалис (C.), инструменталис (I.) и собственно датив (D.).⁴ Эти идеальные падежи наделены семантическим признаком периферийности, в остальном же для них характерны те же оппозитивные отношения, что и для основных падежей: датив – падеж косвенного объекта, каузалис – падеж причины (косвенного субъекта), социатив – это транспозиция противопоставления исходности и предельности на периферийном уровне, инструменталис – промежуточно-периферийный падеж, для семантики которого существенно отсутствие указания на исходность и на предельность. К примеру, форма топором должна быть дополнена с обеих сторон: кто рубит? ... что рубит?

В плане языковой семантики каждый из идеальных падежей периферийной группы является аналогом соответствующего идеального падежа субъектно-объектной группы, а падежная система в целом может быть описана на основе единого принципа.

Поскольку лишь один морфологический падеж соответствовал четырем идеальным падежам периферийной грани, встает вопрос, какими средствами в каждом конкретном высказывании идентифицировался один из них.

Морфологический датив значение согитатива мог иметь только в слабом употреблении, которое маркировалось словами с приставками *би-*, *ди-*, *сун-*, *мета-* и др. (*βισίη, διήσις, ἕτα, συνβαίω, συνδνήσθη, μετέχω*), а также словами без приставок, в семантике которых налицо компонент соучастия (*σπένδομαι, σταλέωμαι, μάχομαι* и т.п.). В военных выражениях типа *οἱ πολεμικοὶ τριάντοια ναυσί* 'враги с тридцатью кораблями' или *τῶν στρατιωτῶν παντί* 'со всем войском' согитативное значение идентифицируется сочетанием определенного контекста с лексемами, обозначающими корабли, войска, воинов, коней и т.п.

Каузалис идентифицируется двояко: 1) значением лексем, обозначающих различные душевные или физические состояния и свойства, которые уже по своей природе могут производить определенное действие: *ἐπελήνατο κάλλει κόρης* (Musaeus, 85) 'он был одержим страстью из-за красоты девушки', *λέρα νεύσαι φόβου προύτραθεν* (Soph., Antig., 269-270) 'приказал опустить голову со страха' и т.п.; 2) сочетанием нейтральных в этом отношении лексем с глаголами, обозначающими следствие чего-либо: *τέρλομαι νίκῃ* 'ликую по поводу победы', *ἤχονεθα τοῖς γεγενημένοις* 'мы были опечалены случившимся'. Во втором случае существительное в дательном падеже также имело в своей семантике компонент причинности, однако это было обусловлено контекстуально.

Что касается идеального датива, то его значение имела любая форма дательного падежа, образованная от одушевленных существительных и находившаяся в сильном употреблении. Сюда относятся все функции древнегреческого датива, восходящие к индоевропейскому дативу. В то же время формы морфологического датива, образованные от неодушевленных существительных, которые стоят в сильном употреблении, в семантическом плане представляют собой инструменталис (кроме узкой группы существительных с семантическим компонентом причинности, имманентно присущим либо обусловленным контекстуально, о которых речь шла выше), например: *...δεύτερος Ἐβριπίδης ἦν Ἀλεξάνδρῳ καὶ Πάλαμῳ καὶ Τροιάσῃ καὶ Σισύφῳ σατυρικῶν* (Aecl., Var. hist., II, 8) '...вторым был Эврипид благодаря "Александру" и "Паламеду", и "Троянкам" и сатирическому "Сизифу"'. Подчеркнутые существительные, передавая названия драматических произведений, выступают

здесь как неодушевленные и благодаря этому воспринимаются как инструменталис. В предложении *...νεύσαι λαθριβόλαις ἐλαφ γελέουσα Λεάνδρῳ* (Musaeus, 106) 'давая знак Леандру кивками, незамечными (для окружающих)' выступают два морфологических датива, за которыми скрываются идеальные датив и инструменталис. Единственным и достаточным средством их различения является принадлежность лексемы к одушевленным или неодушевленным существительным.

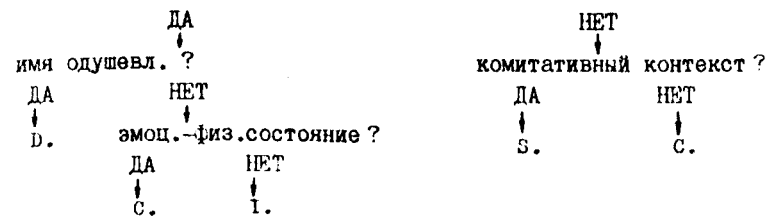
Средства дифференциации периферийных идеальных падежей можно представить следующим образом:

Идеальный падеж	Степень охвата именной лексики	Тип употребления
C.	а) частичный (эмоц.-физ.состояния)	сильный
	б) полный	сильный
D.	в) частичный (одуш.)*	слабый
	частичный (одуш.)	сильный
S.	полный	слабый
I.	частичный (неод.)	сильный

Примечание.* Эту функциональную разновидность каузалиса представляет, по нашему мнению, *dativus auctoris*.

Механизм дифференциации периферийных падежей таким образом заключался во взаимодействии синтаксических и лексических средств. Форма морфологического датива указывала лишь на семантический признак периферийности, алгоритм же распознавания идеальных падежей можно представить следующим образом:

СИЛЬНОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ?

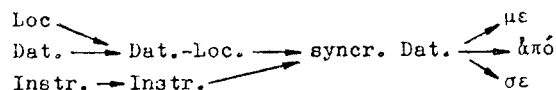

С определенными периферийными падежами конкурируют различные предложные конструкции. С идеальным дативом в исключи-

тельно редких случаях может конкурировать ППК εἰς + А. У Платона засвидетельствованы ἡ τοῦ θεοῦ δόσις ὑμῖν 'дар бога вам' и θεῶν εἰς ἀνθρώπους δόσις 'дар богов людям'. Социатив в сильном употреблении вообще не встречается, здесь выступают ППК с σύν, ἀνά. В слабом употреблении использовалась, как правило, чистая падежная форма, но могла быть и ППК с теми же предлогами. Вместо каузалиса конкурировали ППК с ἐπί, ἐν, διά, ὑπό, περί, ἀπό: ὑπ' ἀνάγκης 'в силу необходимости', περί χάριτι 'от радости', τιμῶ τινὰ ἀπὸ τῆς σοφίας 'что кого-либо за (его) мудрость'.

Практически вне конкуренции с ППК засвидетельствован инструменталис. В тех немногочисленных случаях, когда вместо чисто падежной формы встречается конструкция σύν + датив, с точки зрения языковой семантики в ее значении налицо дополнительный признак социативности, так как она виртуально обобщает в себе значения инструментальности и социативности.

Проведенный анализ семантики греческого датива подтверждается и данными истории языка. Давно уже стало достоянием греческого языкознания положение о синкретическом характере этого падежа, который составили индоевропейский датив, инструменталис и локатив.⁵ В языке древнейших греческих надписей — табличках линейного письма Б — мы имеем дело с уже синкретическим дательным-местным падежом и еще самостоятельным инструментальным.⁶ В конце же античной эпохи морфологический датив был элиминирован из падежной системы, а его функции перешли к различным предложно-падежным конструкциям. Социативу и инструменталису соответствует με, каузалису — ἀπό, отчасти γὰρ, а собственно дативу — σε, восходящие соответственно к древнегреческим γὰρ, ἀπό, διά, εἰς.

Таким образом, датив классического древнегреческого языка⁷ представлял собой комплекс разнородных употреблений некогда самостоятельных падежей, которые в силу определенных причин слились в единое морфологическое образование. В конце античной эпохи при переходе к среднегреческому языковому состоянию этот комплекс начинает вновь распадаться. При этом происходит и оп-

ределенная перегруппировка употреблений прежнего датива между различными ППК, продолжающими этот падеж в современном новогреческом языковом состоянии. Эволюция морфологического датива в общих чертах напоминает эволюцию образований на -φι: нарастание функций, продолжающееся до определенного предела, а затем полный выход из употребления.⁸

Примечания

¹ Точка зрения на семантическую природу номинатива, подобная нашей, содержится в рецензии: К о р о л е в А.А., С л ю с а р е в а Н.А. [Рец. на кн.] Десницкая А.В. Сравнительное языкознание и история языков. Л., 1984. — Вopr. языкознания, 1985, № 4, с.143.

² Подробно см.: Ш а р ы п к и н С.Я. О семантической структуре категории падежа в древнегреческом языке (часть первая). — Иноземна филология, 1985, вып.80.

³ Об оппозициях и неопозитивных различиях в содержательной структуре грамматических категорий см.: Б о н д а р к о А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983, с.7-20.

⁴ В данной статье не учитываются локально-темпоральные функции морфологического датива, представляющие собой наряду с подобными употреблениями генитива и аккузатива локальные идеальные падежи, отличные от периферийных. Вопрос о них заслуживает особого рассмотрения.

⁵ D e l b r ü c k В. Ablativ, Localis, Instrumentalis. Ein Beitrag zur vergleichenden Syntax. Berlin, 1967.

⁶ Ш а р ы п к и н С.Я. Синкретизм греческого датива в свете древнейших греческих надписей. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1985, т.44, № 3, с.201-212.

⁷ Под классическим древнегреческим языком мы понимаем язык литературных и эпиграфических памятников античной эпохи I тыс. до н.э. и первых веков н.э., выполненных различными видами алфавитного письма и кипрским силлабарием.

⁸ Об образованиях на -φι см.: Т р о н с к и й И.М. Обращения на -φι в гомеровском эпосе. — "Eirene", 1960, т.1; Ш а р ы п к и н С.Я. Значение форм на -φι в языке крито-микенских надписей (на укр. языке). — Иноземна филология, 1971, вып.24.